

Данилевского впервые попыталась выявить многообразие культурно-исторических типов и множество культурных организмов. Каждый такой культурно-исторический тип имеет собственную иерархию ценностей, замкнут в себе и представляет собой самозначимую величину.

Евразийцы рассматривали идею европейского превосходства как бич человечества, как источник многих конфликтов XX в. В книге «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой писал о том, что безраздельное господство европоцентристской доктрины побуждало образованные слои неевропейских народов оценивать свою самобытную культуру по европейским меркам, перепрыгивать необходимые ступени развития и все более отчуждало их от собственных традиций [54].

Прозрения Трубецкого поражают, ибо вся советская концепция развития национальных литератур строилась именно по этому принципу. Доктрина пресловутого «старшего брата», передовой опыт которого перенимают и у которого учатся, все эти псевдонаучные теории «выравнивания уровней», «ускоренного» якобы развития наших национальных литератур, согласно которым национальные литературы подгонялись под общественный опыт и мерку — все это не что иное, как отсутствие того синтетического историко-культурного подхода, который не мог появиться в условиях господства тоталитарного идеологизированного моносознания.

Евразийство призывало к диалогу культур. Равноправный диалог Востока и Запада — вот что было ключевым зерном их концепции.

В своей критике европейского гегемонизма евразийство не было одиноко (достаточно назвать здесь новые для европейской культурологии идеи, высказанные Шпенглером и Тойнби и предложенные в социологии Питиримом Сорокиным). Все это в целом было преддверием той концепции универсализма мировой истории, которая стала определяющей линией мирового развития начиная со второй половины XX столетия и которая стремительно шла на смену традиционному европоцентризму. Достаточно назвать здесь блистательную книгу мексиканского философа и культуролога Леопольда Сеа «Философия американской истории» [55]. Многие новейшие литературные концепции (в частности, теория Джорджа Грабовича о незавершенной нации, согласно которой любая самобытная культура, выработавшая свой художественный код, оценивалась исходя из традиций европейской жанровой системы, и на каждую национальную культуру накладывались свои «ренессансы» и свои «барокко») вышли из идей и предвидений русских философов начала века.

Вообще, многие идеи евразийства надолго предвосхитили свое время. Например, Трубецкой еще в 1920 г. в книге «Европа и человечество» предсказывал, что будущее России в том, чтобы возглавить всемирное антиевропейское движение путем сближения с освободительным движением колониальных стран. Все послевоенное мировое развитие — освободительное движение стран третьего мира, развернувшееся под воздействием идей русской революции, подтвердило этот исторический прогноз Трубецкого.

Идеи евразийства были действительно пророческим прозрением в будущее, намного опережавшими свое время. Евразийцы отстаивали идею свободной соборности нации в то время, когда окончательно победил тоталитарный государственный режим. Они пропагандировали содружество народов в те годы, когда сепаратистские и шовинистические настроения в Европе достигли небывалой интенсивности. Наконец, они жили в эпоху идеологического и культурного упрощенчества, а чтобы понять масштабы евразийской философии и историософии, требовалось и известное интеллектуальное напряжение, и известная интеллектуальная свобода. Но призыв евразийства к историческому самопознанию, их стремление к широкому культурно-историческому синтезу, равно как и многие другие идеи, сегодня актуальны, как никогда.